

В докладе И. Т. Никулицэ «Северные фракийцы по письменным и археологическим источникам (К вопросу об этногенезе гетов и даков)», опровергается распространенный в литературе тезис об одновременности существования гетов и даков еще в IV—III вв. до н. э. Сопоставление письменных и вещественных источников позволило автору установить, что северофракийские племена гетов и даков образовались на единой основе культур позднефракийского гальштата, но в разное время (геты в VI—V вв. до н. э., а даки — в III в. до н. э.) и на отдельных, правда, соседних территориях (геты в Балкано-Днестровском регионе, а даки — в Карпатском бассейне). В ходе обсуждения доклада Д. Б. Шелов отметил, что выводы автора базируются на тщательном анализе источников и заслуживают доверия.

В докладе В. В. Кропоткина «Черняховская культура и готы», основанном на комплексном использовании письменных и вещественных источников, черняховская археологическая культура связывается с союзом готских племен, складывающимся в III в. н. э. на территории современных Молдавии и Украины. Локальные варианты черняховской культуры объясняются докладчиком этнической и социально-экономической неоднородностью племен, входивших в состав готского племенного союза. В III в. н. э. группы черняховского населения проникали в Тиру, Ольвию, Херсонес, Юго-Западный Крым, на Боспор, что нашло отражение как в вещественном материале, так и в появлении обряда трупосожжения. По мнению В. В. Кропоткина, появление в некоторых районах черняховской культуры укрепленных поселений как местопребывания знати, дружин, социальная дифференциация, наследственность королевской власти показывают, что готское общество в целом созрело для перехода к государственности. Основные положения доклада поддержал в своем выступлении Д. Б. Шелов, отметивший давно назревшую необходимость картировать местоположение готского племенного союза и возможности для этого, вытекающие из концепции В. В. Кропоткина.

С причерноморской тематикой связан и доклад С. Д. Крыжицкого «Особенности эллинистического домостроительства северопричерноморского региона». Докладчик прослеживает формирование в архитектурном строительстве Северного Причерноморья двух направлений — античного, представлявшего собой дальнейшее развитие греческих традиций Средиземноморья и греко-варварского, возникшего под действием местных традиций. Определяющим в домостроительстве Северного Причерноморья признается второе направление с такими характерными для него чертами, как варварские в своей основе тип и конструкция сооружения в сочетании с античными традициями в приемах строительной техники, декоре, использовании ордера. Докладчик пришел к выводу, что домостроительство в Северном Причерноморье было подчинено общему для эллинистической культуры процессу активного взаимодействия античных и варварских традиций.

Подводя итоги работы конференции, руководители секций Г. А. Кошеленко и Д. Б. Шелов отметили большие успехи, достигнутые советскими археологами в исследовании памятников античной эпохи. В рекомендациях, принятых конференцией, среди основных направлений, на которых полезно концентрировать внимание специалистов, отмечались такие проблемы, как социальная структура и развитие производства в античных государствах Северного Причерноморья, Римская империя и Причерноморье, римское влияние на экономику, социально-политический строй и культуру античных государств Причерноморья. В целях координации научных исследований на конференции был поставлен вопрос о создании проблемного научного совета по античной истории и археологии Причерноморья, об улучшении издательских перспектив, о регулярном проведении всесоюзных конференций по проблемам античной истории и археологии.

В. А. Латышева, В. Ф. Мещеряков

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980.
2. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980.

О СИМПОЗИУМЕ «ПРОБЛЕМЫ ВЕЛЬБАРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В СЛУПСКЕ (ПОЛЬША)

Симпозиум, посвященный проблемам изучения так называемой культуры вельбаркской, состоялся в сентябре 1979 г. в г. Слупске на базе местной Высшей школы педагогической. В последние годы этот небольшой городок в средней части Польского Поморья превращается благодаря усилиям коллектива школы, и особенно стараниями доцента Тадеуша Малиновского, в один из центров польской археологической науки. В 1977 г. здесь проходила конференция по поморской культуре, материалы которой уже увидели свет [1]. Теперь — по культуре вельбаркской.

Ведущие вельбаркские памятники, в том числе и ставший эпонимом Вилленберг — Вельбарк — Госцишево, известны уже давно. Их иногда объединяли под не очень удачным названием «культура гото-гепидская», а иногда включали в состав

оксывской культуры. Оформление понятия «вельбаркская культура» как специфического археологического явления произошло сравнительно недавно, после работ К. Годловского [2], Р. Волонгевича [3] и некоторых других. К. Годловский предложил термин «культура восточно-поморско-мазовецкая», а Р. Волонгевич — «культура вельбаркская» с двумя стадиями: вельбаркско-любовидзской и вельбаркско-цецельской. Ныне наименование «культура вельбаркская» стало общепринятым.

Доклады, прочитанные на симпозиуме, по своей тематике образуют три группы. Заседания первого дня были посвящены наиболее общим вопросам и комплексной характеристике обсуждаемой культуры. Выступление Тадеуша Малиновского «Введение в проблематику культуры вельбаркской» касалось истории изучения, трактовок и споров, существовавших в старой немецкой и в польской науке.

В совместном докладе К. Годловского и Е. Окулича «Культурные области Средней Европы в римское время» была сделана попытка обрисовать общую культурно-историческую ситуацию и ее перемены в течение римского времени. Проводилась также мысль о том, что вельбаркская культура и передвижения ее носителей были своего рода эпицентром культурных изменений почти для всей Центральной и Восточной Европы.

Е. Колендо, занимающийся письменными источниками, говорил о специфике отражения в них реальности, об условности понятий «племя», «этнос» для этого времени, в частности, в том, что история племени готов и история их ведущего рода Амалов не всегда полностью совпадают и их отождествление может приводить к некоторому искажению исторической картины.

С интересом участники симпозиума выслушали большой и местами спорный доклад Р. Волонгевича. Он критически проанализировал круг источников, так или иначе связанных с вельбаркской культурой и с историей пребывания готов в Поморье. Доклад его содержал археологическую, историческую, антропологическую и филологическую части. В каждой из них критика источников проводилась независимо от других. Сопоставлялись лишь результаты.

В археологической части весьма важными представляются хронологические разработки. Опираясь на горизонтальную стратиграфию больших могильников, в частности в Любовидзе, Р. Волонгевичу удалось подразделить ступень V_2 римского времени (70—170 гг.) на ряд подфаз. Подфаза V_{2a} охватывает последнюю четверть I в. н. э. Основным диагностирующим признаком ее являются глазчатые фибулы прусской серии. Подфаза V_{2b} — первая половина II в. н. э. — с диагностирующими фибулами Альмгрен 38—39. Подфаза V_{2c} включает погребения второй половины II в. н. э. с фибулами Альмгрен 127—128, Альмгрен 80 и Альмгрен 88. Переходная фаза V_2/C_1 датируется им последней четвертью II в.

Разработка дробной хронологии позволила Р. Волонгевичу проследить интересные моменты в истории расселения носителей вельбаркской культуры. Он различает шесть районов, история заселения которых неидентична. Если в низовьях Вислы и на Кашубском побережье до Эльблонгской возвышенности можно проследить непрерывную эволюцию от ступени A_1 , (т. е. от позднелатенского времени) до эпохи переселения народов, то район Дравска был заселен несколько позже, в A_2 , и покинут несколько раньше, на ступени V_2/C_1 . Если в поозерьях Кашубском и Краенском носители вельбаркской культуры появились с вещами подфазы V_{2a} и с элементами, связывающими их культуру со Скандинавией, то в Илавском и Ольштинском — чуть позже, в V_{2b} . В правобережную Мазовию и Подлясье, а также на Волинь и в Полесье вельбаркцы проникают еще позже, на ступени C_1 .

В лингвистической части Р. Волонгевич, рассмотрев дискуссию между сторонниками «длинной» и «короткой» хронологии глотогенетических процессов, находит более убедительной аргументацию сторонников «короткой» хронологии. По их данным, распад балто-славянской языковой общности происходит не во II тысячелетии до н. э., а значительно позже, первая палатализация заднеязычных приходится не на конец I тысячелетия до н. э., а на V—VI вв. н. э., монофтонгизация дифтонгов — не на начало нашей эры, а на VI в. н. э., вторая палатализация — не на первую половину I тысячелетия, а на VII в., распад общеславянского языка — не на III—IV вв. н. э., а на последние столетия I тысячелетия н. э.

В исторической, точнее, в этногеографической части своего доклада Р. Волонгевич следует традиционной точке зрения познанской школы и размещает венетов Плиния, Тацита и Птолея на территории Польши, в частности, в Поморье. Но, исходя из позиций лингвистов, считает их не славянами, а исчезнувшим индоевропейским народом, возможно, родственным иллирийцам и венетам Северной Италии.

А поскольку культура вельбаркская представляет собой соединение элементов пришлых, скандинавских, и местных, оксывских, то вклад последних можно рассматривать как вклад венетский. Такова упрощенная схема основных рассуждений Р. Волонгевича.

Что касается его хронологических разработок, то они нашли прекрасное подтверждение в хронологии могильника Прущ-Гданьский. Это продемонстрировал в своем докладе М. Петшак.

В заключение этого дня заседаний К. Годловский сделал доклад о тех изменениях в культуре и в распространении населения, которые происходили в области вельбаркской культуры в эпоху переселения народов, в V—VI вв. н. э.

Второй день заседаний был посвящен докладам, в которых рассматривались проблемы соотношения вельбаркской культуры с соседними. Т. Домбровская говорила о соотношении ее с пшеворской культурой на территории Мазовии и Подлясья, а Х. Махаевский — на территории Великопольши. Окулич сделал доклад о своеобразной идиомной группе пшеворской культуры, расположенной на северо-восточном пограничье пшеворского ареала и испытывавшей влияние западных балтов, оксывской и вельбаркской культур, а к концу стадии С₁ исчезнувшей и заменившейся, как это произошло и в Мазовии, собственно вельбаркскими памятниками. О соотношении вельбаркской культуры и культуры западных балтов, подчеркнув их различия, рассказал Ян Ясканис.

М. Б. Шукин сделал доклад «Памятники вельбаркские и культура Черняховская». Докладчик пытался показать, что вельбаркские памятники на территории СССР, именуемые часто в советской археологической литературе как памятники типа Брест — Тришин — Дытыничи, с точки зрения хронологии неоднородны. Можно выделить две волны проникновения носителей вельбаркской культуры на юго-восток: брест-тришинскую (Брест-Тришин, Любомль, Городок, Пересыпки) и дытыническую (Дытыничи, Ромош, Козья-Яссы). Первая относится к ступени С_{1a} (конец II — начало III в. н. э.), а вторая — к С_{1b} (30—70-е годы III в.). Если первая имела место еще до возникновения черняховской культуры, то вторая — в то время, когда уже существовали ранние черняховские памятники с пшеворско-вельбаркскими элементами (типа Ружичанка — Раковец — Привольное и так называемая волинская группа).

Наконец, третья серия докладов симпозиума в Слупске касалась характеристики тех или иных элементов самой вельбаркской культуры. Л. И. Крушельницкая сообщила о раскопках поселения Ромош на Западном Буге. К. Валента сделал попытку классификации погребальных обрядов, а Ю. Гладыковска-Жечицка и Ф. Рожновски в совместном докладе рассказали о результатах антропологических исследований. Е. Майк исследовал остатки тканей, встречающихся в небольших фрагментах в некоторых вельбаркских погребениях.

Два доклада, М. Сайковской и М. Мончиньской, были посвящены женскому костюму вельбаркцев. Если в первом делались попытки реконструкции одежды исходя из положения в могилах фибул, пряжек, наконечников поясов и т. д., то во втором проводилось сопоставление этих элементов для вельбаркско-любовидских, вельбаркско-цельских и черняховских памятников, отмечалось их сходство и различие.

Поскольку, как уже указывалось, понятие «культура вельбаркская» выкристаллизовалось совсем недавно, представившаяся возможность встречи специалистов, так или иначе занимающихся ею, возможность обсудить все вопросы в публичной дискуссии или в кудуарах, была очень важна и своевременна. В этой связи важно отметить не только то, что активно обсуждалось, но и то, с чем говорилось мало, что, очевидно, казалось участникам симпозиума достаточно самоочевидным. Не возникало уже споров о терминологии, о названии. Не было особых споров о хронологии, выводы о хронологическом членении Р. Волонгевича для могильника в Любовидзе, М. Петшака для Пруца-Гданьского и Т. Домбровской для пшеворского могильника Каменчик совпадали почти полностью. Двойность вельбаркской культуры — наличие преемственности отдельных ее групп с субстратной оксывской культурой и присутствие элементов, связывающих ее непосредственно со Скандинавией или с более широким кругом северо-европейских культур, — тоже не вызвала особого сомнения. Тезис о продвижении носителей вельбаркской культуры в юго-восточном направлении — в Мазовию, Подлясье, а затем на Волинь, Украину и в Молдову — прозвучал в ряде докладов и не вызвал специальных возражений. Нет сомнений и в том, что в составе ее носителей были представители племени готов, хотя на сегодняшнем уровне знаний определить племенную принадлежность памятников — которые из них оставлены собственно готами, которые — гепидами, ульмеругами, ругиями, лемовиями, видвариями или другими племенами — еще не представляется возможным. Возможно, не все племена или их союзы были зафиксированы античными авторами. Такая позиция была тоже достаточно общей для большинства участников.

В свете сказанного возникает один вопрос, на который материалы симпозиума пока не дают ответа. Имеющиеся на сегодня археологические материалы достаточно совпадают с легендарно-исторической традицией Аблавия — Кассиодора — Иордана о прибытии готов и гепидов из Скандинавии и их движении в страну Ойум, к Черному морю. Скандинавские элементы вельбаркской культуры, наиболее отчетливо выраженные в погребальном обряде, выявляются со ступени В₂, т. е. с 70-х годов I в. н. э. Но Тацит знал готов и раньше. В 19 г. н. э. призванный римлянами молодой готон Катуальда со своей дружиной нанес последний удар по варварской державе Маробода, центр которой находился в современной Чехии. Как показали работы Я. Тейрала [4] и Р. Волонгевича [5], эти события и последовавшее за ними создание «буферного государства» Ванния в юго-западной Словакии изменили ситуацию в Центральной Европе, что выразилось, в частности, в распределении римских импортов, «чешская волна импортов» сменилась «словацкой». Не исключено, что археологическое выражение готово Катуальды следует искать в среде памятников ступени В₁ в Западном Поморье, поскольку «чешская волна импортов» представлена лишь на этой территории, но не восточнее.

Приведенный пример показывает, что далеко не все вопросы, связанные с исторической интерпретацией вельбаркской культуры, уже нашли свое решение. Но ясно, что проведенный в Слупске симпозиум был важным шагом на пути их решения. Следующим важным шагом будет выход в свет трудов этого симпозиума, когда исследователи получат своего рода коллективную монографию о современном состоянии изучения этой интересной культуры и смогут пойти дальше.

М. Б. Щужин

ЛИТЕРАТУРА

1. Problemy kultury Pomorskiej. Koszalin, 1979.
2. *Godlowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków. 1970, p. 31—42.
3. *Wolagiewicz R.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej.— In: *Studia Archaeologica Pomeranica.* Koszalin, 1974.
4. *Tejral J.* Zur Chronologie der älteren römischen Kaiserzeit im Lichte mährischer und westslowakischer Bodenfunde.— In: *Zbornik filosofickej fakulty Univerzity Komenského.* Bratislava. 1969. Roc. XX (XIX).
5. *Wolagiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju.— AP, 1970, t. V, Z. 1.